

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора Костяшова Юрия Владимировича о диссертации Мартыненко Михаила Александровича «Историческая политика Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.: трансформация курса», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – всеобщая история (исторические науки)

Диссертационное исследование М.А. Мартыненко выполнено в рамках весьма востребованного в современной науке и интенсивно развивающегося направления – «memory studies». Так сложилось, что в отечественной гуманитаристике проблемами исторической памяти и политики памяти занимаются в основном философы, социологи, политологи и культурологи. Их труды ценны теоретическими разработками, но нередко наполнены абстрактными рассуждениями и умозрительными конструкциями, довольно далеко отстоящими от реальных исторических практик. Нельзя не согласиться и с утверждением диссертанта о том, что применительно к мемориальному ландшафту ПНР большинство работ в историографии «посвящено общим теоретическим вопросам исторической политики» (с. 6). Тем более ценным представляется конкретно-историческое исследование в этой области знаний, при этом выполненное на базе концептуальных разработок и понятийного аппарата смежных наук.

Актуальность темы рецензируемой диссертации также определяется тем обстоятельством, что избранный для изучения хронологический период (1980-е годы) является переломным этапом в истории польской нации и государства. Он начинается с самого мощного оппозиционного движения во всем социалистическом лагере и завершается крушением коммунистического режима в результате мирной демократической революции. Обращение к проблемам идеологии, пропаганды, сферам образования и культуры, важнейшей составной частью которых являлась историческая политика, позволяет лучше понять общие социально-политические процессы в стране и оценить масштабы и последствия радикального изменения вектора развития Польши.

Нельзя не согласиться с диссертантом и в том, что историческая политика ПНР 1980-х гг. до сих пор не становилась «предметом комплексного научного исследования» (с. 5), так как внимание историков, как правило, было сосредоточено на 1980–1981 гг. (периоде “Солидарности”) и наступившей после падения коммунистического режима новой эпохи Третьей Речи Посполитой.

Восемь с половиной лет, прошедших с введения военного положения 13 декабря 1981 г. до фактически триумфальной победы оппозиции на полусвободных выборах в июне 1989 г., принято считать бессобытийными, потерянными, вычеркнутыми из польской истории, но для исследователя они представляют несомненный интерес. Он продиктован не только вниманием к завершающей стадии находящегося в кризисе авторитарного режима, но и поисками ответа на вопрос: как противоборствующим в Польше политическим силам удалось с помощью «круглого стола» организовать общенациональный диалог и осуществить самый успешный в Восточной Европе демократический мирный транзит? Рецензируемая диссертация позволяет через призму исторической политики понять некоторые механизмы политической борьбы в преддверии смены власти, выявить условия создания пространства для компромисса и проследить путь общественной трансформации.

Представленный во введении обстоятельный и профессионально выполненный очерк по отечественной и зарубежной историографии темы позволил автору определить степень ее изученности и четко сформулировать цель и задачи собственного исследования, сосредоточив внимание на малоизученных и спорных аспектах. Вызывает только сомнение правомерность отнесения Т. Мареш из Быдгоща к российской историографии на том основании, что «в начале 2010-х гг. она активно публиковала сочинения на русском языке в отечественных журналах, участвовала в совместных российско-польских проектах» (с. 26). Кроме того, в этом разделе, пожалуй, выглядит излишним рассмотрение трудов китайских авторов, которые, если судить по приведенным самим диссертантом сведениям, специально по исторической политике не высказывались, а лишь в целом характеризовали политический курс В. Ярузельского (с. 19–20).

Не вызывает сомнений оригинальность и новизна представленного на отзыв диссертационного сочинения, которые стали результатом привлечения и основательного анализа широкого круга исторических источников. Среди них нормативные акты органов государственной власти, делопроизводственная документация, материалы прессы, научные труды по истории, школьные учебники, мемуары, визуальные источники и пр. Источниковедческий анализ во введении в целом дает хорошее представление об информационных возможностях использованных документов (с. 42–49), за одним исключением. В разделе о *делопроизводственной* документации упоминается о материалах IX и X съездов

ПОРП, однако правящая партия, ее руководящие органы разного уровня и бюрократический аппарат заслуживают более пристального внимания, так как именно партийные решения и программы определяли общий курс в проведении политики памяти. Тем более, что в основной части диссертации автор касается деятельности ЦК ПОРП и некоторых других партийных подразделений в изучаемой сфере.

Диссертационное исследование М.А. Мартыненко имеет достаточно продуманную структуру. Оно состоит из трех глав, каждая из которых соответствует определенному хронологическому этапу на пути от разгрома оппозиции в результате введения военного положения в 1981 году до трансформации режима в 1989 году.

В первой главе «Идеологические и институциональные основания курса исторической политики Польской Народной Республики в первой половине 1980-х гг.» рассматривается содержание дискуссий об отношении к прошлому и анализируются взгляды на историческую политику правящего режима и оппозиционных политических сил в условиях «системного кризиса 1981–1983 гг.», а также описываются и оцениваются коммеморативные стратегии и мемориальные практики, прежде всего связанные с памятливыми датами и юбилеями исторических событий и национальных героев.

Во второй главе «Оформление и реализация курса исторической политики Польской Народной Республики в середине 1980-х гг.» рассмотрены основные тенденции развития польской историографии в середине десятилетия, показано воздействие академического сообщества на эволюцию исторической политики государства, обращено особое внимание на роль римско-католической церкви в формировании коллективной памяти поляков. Делается вывод о том, что трансформация исторической политики осуществлялась за счет включения в исторические нарративы событий, которые ранее замалчивались, наподобие пакта Молотова-Риббентропа или «Катынского дела».

В третьей главе «Эволюция курса исторической политики ПНР в ходе переговорного процесса с оппозицией в 1987–1989 гг.» центр тяжести повествования переносится на характеристику взглядов об исторической политике представителей оппозиции, показывается вынужденный характер взаимодействия властей с «Солидарностью» с точки зрения используемых коммеморативных практик. Автор считает, что накопленный

антикоммунистической оппозицией символический капитал «вынудил правительство пойти по пути дальнейшей трансформации исторической политики» (с. 265). В рамках работы «Круглого стола» правящий режим продемонстрировал готовность отказаться от проведения исторической политики на прежних основаниях, а сама ПОРП «лишилась прерогативы на монопольное распространение исторического знания» (с. 267).

Оценивая в целом диссертационное сочинение М.А. Мартыненко, отметим прежде всего хорошее знание и понимание происходивших в Польше в изучаемый период сложных общественно-политических процессов. Отрадно, что автор неуклонно следует фактам, корректно их трактует, не уходит, за редчайшими исключениями, в публицистику, старается, как он сам написал во введении, «придерживаться нейтральной позиции по отношению к изучаемому объекту, что выразилось в отказе от экстраполяции собственных политических, национальных, гендерных, религиозных и других мировоззренческих установок» (с. 53).

Характеризуя историческую политику властей, автору диссертацию удалось нарисовать многомерную картину предпринимаемых в этой области усилий и полученных неоднозначных результатов, показать многообразие факторов, влиявших на содержание исторических нарративов государственных институтов и оппозиционных структур, конкуренцию и взаимодействие различных коммеморативных стратегий. Помимо традиционных исторических методов исследования, диссертант освоил и умело применил научный инструментарий, используемый в *memory studies*, а сама диссертация имеет свойства междисциплинарного исследования.

Подчеркивая высокое качество проведенного исследования, оригинальность и значимость достигнутых научных результатов, хочу также отметить и имеющиеся недостатки.

Говоря об исторической политике польского государства, диссертант часто в качестве главного действующего лица указывает на «польское правительство». Между тем высшая исполнительная власть в системе социалистического *партийного* государства занималась преимущественно социально-экономическими вопросами и почти не имела отношения к идеологии, которая целиком относилась к ведению ЦК ПОРП и ее специализированным подразделениям. То обстоятельство, что первый секретарь ЦК ПОРП в 1981–1985 гг. по совместительству являлся председателем Совета министров ПНР, не делает

правительство органом, «продуцирующим нарративы о прошлом» (с. 51).

В работе встречаются отдельные выводы и наблюдения, которые читателю трудно признать вполне доказанными. Например, представляется ошибочным утверждение автора о том, что «долгое время стабильность социалистической системы держалась на *непререкаемом авторитете ПОРП* (курсив мой)». Тем более, далее диссертант сам указывает, что режим располагал кое-чем, помимо авторитета, а именно: «любые нападки на партийную номенклатуру пресекались польскими силовыми органами и спецслужбами (с. 64). Ничем не подтвержденным является и тезис о том, что ПНР якобы пользовалась «стабильным субсидированием» со стороны СССР, которое закончилось с началом войны в Афганистане (с. 67). В другом месте несколько умозрительным кажется суждение о том, что стремительно ухудшающееся экономическое положение рядовых граждан потребовало от власти «перекройки исторических нарративов» (с. 68). Трудно согласиться с высказанным в диссертации тезисом, хоть и с отсылкой к трудам других историков, что «в коллективной памяти польского общества на роль “внешнего врага” подходил исключительно СССР» (с. 71). В приведенной цитате одно лишнее слово – «исключительно». Общественная организация ПИО неточно характеризуется как «*государственная* корпорация историков» (с. 168).

В целом автор придерживается темы диссертации, не уходит в пересказ перипетий политической борьбы и лишь в некоторых случаях связь повествования с проблематикой исторической политики кажется искусственной. Так, на с. 266 указывается, что закрытие Гданьской судоверфи «было направленно против коммеморативных тенденций, которые поддерживала оппозиция». Представляется, что причины были экономические и политические, тем более, что не заходило и речи о демонтаже сооруженных в 1980 г. «Трех крестов» – памятника погибшим в 1970 г. рабочим верфи и главного места памяти «Солидарности». Диссертант, на мой взгляд, преувеличивает значимость исторической проблематики в ходе переговоров «Круглого стола», когда оппозиции удалось «перезаформировать курс исторической политики» (с. 266). Дело в том, что в период активизации общественной жизни историческая политика зачастую уступает место прямым политическим действиям.

Диссертант ясно выражает свои мысли, свободно пользуется принятой в мемориальных исследованиях терминологией, его выводы, как правило, неплохо

аргументированы, повествование последовательно и логично выстроено. Тем не менее стилиевые ошибки и неточности встречаются.

Это касается некоторого злоупотребления наукообразной терминологией там, где мысль можно было бы изложить более простыми словами, из-за чего появляются неудачные сочетания и тяжеловесные словесные конструкции: «практики по инструментализации прошлого» (с. 24); «медиевальная аргументация» (с. 34); «практики историописания польских историков в контексте их использования в трансформации образовательного компонента исторической политики и общего влияния на видоизменения коммеморативных проектов» (с. 36–37); «мемориальное противоборство» (с. 58); «идентичностный императив» (с. 72, 236); «институционализация националистических слоев» (с. 101); «марксистская понятийная сетка» (с. 110); «институциональные основания рассредотачивались по существующей властной вертикали»; дата 12 октября «артикулировала советско-польский генезис вооруженных сил и польской государственности» (с. 126); «институционализация историков» (с. 135); «контекстуализируя однобокое высказывание» (с. 139); «пейоративная критика» (с. 142); «незаконный генезис» (с. 164); «нарративные стратегии описания» (с. 168); «коммеморация еврейского населения» (с. 182) и др.

Есть в работе стилистические погрешности: «нападки на 1 мая», «нападки на памятник» (с. 121, 264); «захват власти на основе советской власти» (с. 159); Польша «была постулатом международной морали» (с. 180); «оставили здесь свои останки» (с. 202); «стоял на пацифистских принципах» (с. 215); «брал свои корни из эпохи» (с. 234); «эта дата всецело охранялась ПОРП» (с. 235); «отнятие престижа у ПОРП» (с. 272) и др.

В диссертации много цитат из источников, практически всегда уместных и исчерпывающе откомментированных. Перевод с польского в большинстве случаев выполнен качественно, но изредка встречаются досадные неточности и буквализмы: речь генерала Ярузельского по ТВ (тогда аналоговому) названа выступлением «на цифровых каналах вещания» (с. 85); использованы выражения «милицейская станция» вместо «милицейский пост» (с. 121); «теракты» (по отношению к памятникам) вместо «акты вандализма» (с. 124); «всенародный съезд польских историков» вместо «общепольский съезд историков» (с. 135); «подпольные печатные дома» вместо «подпольные типографии» (с. 160); «скауты» вместо «харцеров»; «Национальная партия» вместо «Стронництво

народове»; «соглашение об окончании заседаний» вместо «итоговое соглашение» (с. 259 и др.); Римско-католическая церковь в Польше нередко называется «Польской католической церковью» (есть и такая, но явно не она имеется в виду. – см.: с. 172, 176, 186, 187, 193, 203 и др.). Названия иностранных периодических изданий в соответствии с принятым у нас стандартом не переводятся, а передаются посредством транслитерации латиницы на кириллицу («Жолнеж Вольности», а не «Солдат Свободы»).

Диссертация правильно оформлена, имеет объемный справочный аппарат, иногда даже производящий впечатление избыточного, неплохо выверена, хотя и не полностью свободна от ошибок и опечаток (академик Бурденко назван Буденко, 9-й съезд ПОРП 11-м, с. 112, 150; см. также: с. 102, 119, 130, 149, 156, 172, 173, 177–179, 223, 239, 261 и др.); заметна некоторая перенасыщенность текста знаками препинания.

Интерес представляют хронологические таблицы, статистика, визуальные и документальные материалы в *приложении* на 50 страницах (с. 338–387), которые существенно дополняют содержание основной части диссертации, хотя не все имеют прямое отношение к предмету исследования, так как касаются общих вопросов политического развития Польши в указанный период, например: количество политзаключенных (с. 381); военные планы 1970-х гг. ОВД (с. 382), результаты выборов 1989 г. (с. 386, 387) и др.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.2. – Всеобщая история, а именно следующим областям исследования: 6. Новейшая история (XX–XXI вв.); 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности; 13. Политическая власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек.

Автореферат и 11 статей, в том числе пять в ведущих научных рецензируемых изданиях, отражают основные положения и сделанные автором диссертации выводы. Статьи написаны на высоком уровне и отвечают современным требованиям к научным публикациям. Результаты диссертационной работы М.А. Мартыненко могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории Польши и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Новейшее время.

Указанные в настоящем отзыве замечания высказаны в порядке дискуссии и рекомендаций на будущее и не умаляют значимости рецензируемого труда.

Диссертационное исследование М.А. Мартыненко «Историческая политика Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.: трансформация курса» представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, в которой успешно решены поставленные автором задачи, и которая полностью соответствует требованиям п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (с последующими изменениями), а соискатель Мартыненко Михаил Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. — Всеобщая история (исторические науки).

Доктор исторических наук, профессор
Института образования и гуманитарных
наук Федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта (г. Калининград)

Ю.В. Костяшов

«15» ноября 2024 г.

Костяшов Юрий Владимирович
Специальность, по которой оппонентом
защищена диссертация: 07.00.03 – Всеобщая история
тел.: +7(906)2331779, e-mail: ikostyashov@kantiana.ru
236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Институт образования и гуманитарных наук
Тел.: 7(4012) 595595; e-mail: post@kantiana.ru

